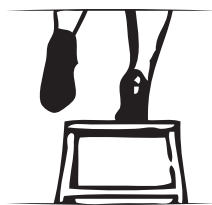

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

19 июня 2014

Элизе Реклю

Моему брату- крестьянину

Элизе Реклю
Моему брату-крестьянину
1921

«Правда ли», спросил ты меня, «что твои товарищи, городские рабочие, хотят взять у меня землю, ту землю, которую я так люблю, и которая дает мне хлеб, правда довольно скупо, но все-таки дает? Она кормила моего отца и отца моего отца; неужели же дети мои будут лишены возможности кормиться на ней? Правда ли, что ты хочешь взять у меня землю?»

— «Нет, мой брат, это неправда. Ты любишь землю, возделываешь ее, тебе принадлежит и урожай. Ты добываешь из земли хлеб, никто не имеет права есть его прежде тебя, прежде женщины, которая соединила свою судьбу с твоей, прежде ребенка, родившегося от вашего союза. Храни свои поля, храни свой заступ и соху, необходимые тебе, чтобы вспахивать затвердевшую землю, храни семена для посевов. Нет ничего священнее твоего труда, — и тысячу раз будь проклят тот, кто вздумает отнять у тебя землю, сделавшуюся кормилицей благодаря труду рук твоих!».

Но то, что я говорю тебе, я не скажу этого другим, которые тоже называют себя земледельцами, но на самом деле не являются ими. Кто эти так называемые работники, эти возделыватели земли? Один родился вельможей. Лишь только успели положить его в колыбель, одетого в тонкие ткани и дорогие шелка, священник, судья, нотариус и другие особы пришли поклониться новорожденному, как будущему владельцу земли. Куртизаны, мужчины и женщины, стекаются со всех сторон, принося дары, дорогие ткани, затканые серебром и золотые погремушки; и в то время, как его осыпают подарками, писцы записывают в больших книгах, что малютка владеет — здесь источниками, там реками, а еще дальше лесами, полями и лугами, там садами и еще другими полями, другими лесами, другими пастбищами. У него есть имения в горах, есть в долинах; даже под землю у него имеются крупные владения, где люди

работают сотнями и тысячами. Достигши зрелого возраста, он может быть посетит когда-нибудь эти владения, унаследованные им по выходе из утробы матери — может быть, не даст себе труда даже заглянуть туда; но все равно, продукты собирать и продавать будет он. Со всех сторон, по проезжим и железным дорогам, на речных баржах и морских пароходах к нему будут прибывать мешки золота — доход с его поместий. И что же? Когда у нас будет сила, оставим мы все эти продукты человеческого труда в сундуках этого наследника? Оставим ли мы неприкосновенной эту собственность? Нет, друзья мои, мы возьмем все это. Мы разорвем эти бумаги и планы, мы взломаем двери этих замков, мы завладеем этими именьями. «Работай, молодой человек, скажем мы ему, если хочешь есть. Ничто больше из этих богатств не принадлежит тебе».

А тот другой господин, родившийся бедняком без дворянских грамот, к которому ни один льстец не являлся на поклон в материнскую хижину или чердак, но которому удалось разбогатеть при помощи своего честного или нечестного труда? У него не было ни клочка земли, где бы он мог склонить свою голову, но он сумел, посредством спекуляций или сбережений, милостью своих господ или судьбы, приобрести громадные пространства, которые он теперь окружает стенами и заборами: он собирает, где не сеял, он ест и подбирает хлеб, который другой добыл своим трудом. Отнесемся ли мы с уважением к этой другой собственности, собственности разбогатевшего бедняка, который не работает сам и называет землю своею, возделывая ее руками рабов? Нет, мы не пощадим эту вторую собственность, так же, как и первую. И здесь также, когда у нас будет сила, мы возьмем эти именья и скажем тому, кто считает себя их хозяином: «Прочь, выскочка! Ты работал когда-то, так продолжай. Ты будешь иметь хлеб, который заработаешь

слабая имела за себя всех. Призовите к себе также и всех тех, у кого ничего нет, всех обездоленных городских рабочих, которых, может быть, вас, и научили ненавидеть, но которых надо любить, ибо они помогут вам удержать землю и вернуть то, что у вас отняли. Вместе с ними вы снесете все ограды и образуете огромную общину людей, где все будут работать сообща над своим счастьем, придавая жизнь и красоту этой чудной земле, дающей нам хлеб.

Но если вы этого не сделаете, все будет потеряно. Вы умрете рабами и нищими. «Вы хотите есть», сказал недавно алжирский мэр депутации безработных, «так ешьте друг друга!».

своим трудом, но земля, которую ты не возделываешь, больше не твоя. Ты больше не хозяин хлеба!»

Таким образом, мы возьмем землю, но возьмем у тех, кто владеет ею, не работая, чтобы отдать ее тем, кто работает; но отдадим ее не для того, чтобы позволить им в свою очередь эксплуатировать других несчастных. Количество земли, на которое отдельная личность, семья или группа друзей имеет право, не может превышать размеров, которые могут быть обработаны личным или общим трудом. Как только размеры эти переходят за пределы пространства, которое они могут возделывать, они не вправе будут требовать себе этот излишек; пользование им принадлежит другому работнику. То, что ты обрабатываешь, мой брат, — твое, и мы поможем тебе сохранить это всеми находящимися в нашей власти средствами; но земля, которую ты не возделываешь, принадлежит твоему товарищу. Дай ему место. Он тоже сумеет работать.

Но, если каждый из нас имеет право на свою долю земли, будете ли вы жить отдельно друг от друга? Один мелкий крестьянин, собственник или арендатор, слишком слаб, чтобы бороться зараз и со скупой природой, и со злыми угнетателями; Если он выживет, то благодаря чудовищным усилиям. Он должен приспособляться ко всем капризам погоды и в тысяче случаев подчиняться добровольной пытке. Морозит ли, палит ли солнце, идет ли дождь, или дует ветер, он должен всегда быть на работе; затопит наводнением его урожай, спалит его солнце — он с грустью соберет остатки, которых не хватит ему, чтобы прокормиться. Наступит день посева — он вынет изо рта последнее зерно и бросит его в борозду. В его отчаянии у него остается страстная вера: он приносит в жертву часть своей убогой жатвы, так необходимой ему, в уверенности, что после суровой зимы, предательской и изменчивой весны, по-

сле жгучего лета, хлеб все-таки родится и удвоит, утроит, удесятрит, быть может, посев. Какую глубокую любовь хранит он к этой земле, которая заставляет его так много трудиться, так много страдать в постоянном страхе и разочаровании и так ликовать от радости, при виде волнующихся налитых колосьев. Нет сильней любви крестьянина к земле, которую он вспахивает и засеивает, из которой он вышел и в которую вернется! И, однако, сколько врагов его окружает и зарятся на эту землю, которую он так страстно любит. Сборщик податей облагает налогом его борону и берет у него часть собранного им хлеба; продавец берет другую часть; железная дорога его обкрадывает при перевозке товара. Со всех сторон его обманывают. И сколько бы мы ему ни кричали: „Не плати налогов, не плати арендной платы“, — он все-таки платит, потому что он один, потому что он — не доверяет своим соседям — другим мелким крестьянам, собственникам или арендаторам, и не решается сговориться с ними. Страхом и, разъединением держат крестьян в подчинении.

Сильнее в борьбе с общим врагом, государством и баринном, крестьяне, живущие обществами, как задруга и мир в России и других славянских странах. Земля — их общественная собственность и она не дробится на многочисленные куски, огороженные заборами, стенами или рвами. Им не приходится спорить, их ли колос, выросший вправо или влево от борозды. У них нет ни судебных приставов, ни адвокатов, ни нотариусов, чтобы устраивать их дела с товарищами. После сбора, до наступления поры новых работ, они собираются вместе для обсуждения своих общих интересов. Женился кто-нибудь, родился в семье ребенок или вообще прибавился новый член, — все излагают свое новое положение и берут большую часть из общего имущества, чтобы удовлетворить увеличившиеся

возьмут любимую землю, где вы в первый раз увидели тайну хлебного стебелька, пробивающегося сквозь твердую почву. У вас возьмут поля и нивы; вас возьмут самих. Привяжут вас к железной машине, дымящей и шипящей, и в облаках черного дыма вы должны будете вертеть какое-нибудь колесо, размахивая руками десять-двенадцать тысяч раз в день, — это будет называться земледелием. И не думайте тогда помышлять о любви, когда у вас явится желание иметь жену; не поворачивайте голову в сторону проходящей молодой девушки: старший мастер не потерпит, чтобы вы крали время у хозяина. Если угодно будет последнему разрешить вам жениться, и оставить после себя потомство, — значит, вы ему очень понравились; у вас будет та рабская душа, какую ему хотелось видеть в своих рабочих.

Вас ждет будущность рабочего, работницы, заводского детища! Древнее рабство никогда более методически и последовательно не калечило человеческую натуру, чтобы низвести ее на степень простого орудия. Что осталось человеческого в этом истощенном, извращенном, золотушном существе, которое вечно дышит в атмосфере пота, сала и пыли?

Спасите себя, во что бы то ни стало от такой смерти. Оберегайте ревностно вашу землю: она ваша, вашей жены и детей, которых вы любите. Соединитесь с товарищами, земле которых, как и вашей, угрожают заводчики, любители охоты, ростовщики. Забудьте все ваши мелкие ссоры и сходитесь в общины, где все будут солидарны, где каждый клочок луга будет защищаться всеми общинниками.

В количестве ста, тысячи, десяти тысяч человек вы будете уже достаточно сильны, чтобы противостоять помещику и его слугам; но вы не будете еще достаточно сильны, чтобы победить армию. Соединяйтесь же община с общиной, чтобы самая

гу, — ее убивают выстрелом в ухо из револьвера и убирают труп. Упадет человек в изнеможении сломает себе руку или ногу, или схватит лихорадку, — его не приканчивают на месте, но прогоняют: пусть умирает себе где-нибудь в стороне, не беспокоя никого своими жалобами.

По окончании больших работ, когда природа отдыхает, отдыхает и директор и отпускает свою армию. На следующий год он всегда найдет сколько нужно наемных костей и мускулов, но он ни за что не возьмет прошлогодних рабочих: они могут претендовать на свою опытность, вообразить, что знают не меньше самого хозяина, плохо повиноваться, и — кто знает? — пожалуй, еще привяжутся к возделываемой ими земле, вообразят, что она ихняя.

Если бы счастье человечества заключалось в создании кучки миллионеров, ради удовлетворения своих капризов и страсти собирающих груды продуктов, произведенных трудом порабощенных рабочих, то эта научная обработка земли галерными каторжниками была бы идеалом. Какие удивительные результаты дают финансовые предприятия! Количество хлеба, добытого трудом 500.000 человек, может прокормить пятьдесят миллионов; ничтожные затраты на жалкую плату рабочим приносят громадные количества хлеба, которым грузят корабли и продают его в десять раз дороже стоимости его производства.

Правда, если масса потребителей слишком обеднеет за неимением работы и заработной платы, она не сможет покупать все эти продукты и, осужденная на голодную смерть, не станет больше обогащать спекулянтов. Но последних не занимает отдаленное будущее: разбогатеть сначала, идти по дороге, усыпанной золотом, а потом видно будет, — дети выпугаются! «После нас хоть потоп!»

Вот, товарищи-рабочие, какую судьбу готовят вам! У вас

потребности. Наделы увеличиваются или уменьшаются, смотря по количеству земли и по числу членов общины, и каждый обрабатывает свое поле, счастливый сознанием, что живет в мире со своими братьями, которые работают тут же на земле, размеренной сообразно потребностям всех. В случае необходимости товарищи помогают друг другу: сгорела чья-нибудь хижина, — все принимаются за постройку новой; размыло дождем часть поля, — уступают другое пострадавшему владельцу. Кто-нибудь один пасет общинные стада, и вечером овцы и коровы сами возвращаются в свои хлева. Община составляет в одно и то же время собственность всех и каждого.

Но, как и отдельная личность, община слишком слаба, если она остается обособленной. Недостает земли для всей общины, — и все должны голодать! Она находится почти в постоянной вражде с более богатым помещиком, который вечно заявляет притязания на то или другое поле, тот или другой лес или пастбище. Она старательно борется, и если бы был только один помещик, она живо справилась бы с его алчностью, но помещик не один: на его стороне губернатор и начальник полиции, за него стоят попы и судьи, его поддерживает все правительство со своими законами и армией. В случае нужды, к его услугам имеются пушки, чтобы расстрелять тех, кто не хочет уступить ему спорную Землю. Таким образом, если даже община будет тысячу раз права, все говорит за то, что власти найдут ее неправой. И как бы мы ни кричали ей, как и плательщику податей: «Не уступай!» — она, как и крестьянин-одиночка, должна будет уступить, в силу своей обособленности и слабости.

Итак, все мы, мелкие собственники — самостоятельные или живущие общинами — очень слабы, чтобы бороться со всеми кто старается вас поработить: с узурпаторами, посягающими

на ваш клочок земли, с правителями, вымогающими у вас продукт вашего труда. Если вы не соединитесь вместе, вы скоро разделите судьбу тех миллионов и миллионов людей, которые уже лишены всякого права на посевы и уборку и живут в рабстве наемного труда, находя работу тогда, когда хозяевам выгодно им ее дать, и вечно принужденные христарадничать под тем или иным видом, — то униженно выпрашивая работу, а то и протягивая руку за подачкой. У них нет больше земли, вас может постигнуть такая же участь.

Есть ли, стало быть, такая уж большая разница между вашей и их судьбою? Несчастье их уже постигло, вас оно постигнет не сегодня-завтра. Соединитесь же все в нашем общем несчастье и опасности, которая угрожает вам. Защищайте то, что у вас осталось, и верните себе все потерянное.

Иначе вас ждет тяжкая участь. Не забудьте, что мы живем в век науки и систем, и наши правители, имея в своем услужении целую армию химиков и профессоров, готовят вам такую общественную организацию, в которой все будет распределено, как на заводе, где машина управляет всем, даже людьми, где последние — простые колеса, которые выбрасывают, лишь только они принимаются рассуждать и желать. Так в пустынях Западной Америки, в плодородных областях громадные пространства земли уступлены компаниям спекулянтов, находящихся в прекрасных отношениях с правительством, как все богачи и негодяи, которым посчастливилось разбогатеть. Имея в своем распоряжении людей и капиталы, они превращают эти земли в хлебные заводы.

Вот образчик такой культуры земли в одной провинции.

Ведение хозяйства на этом огромном пространстве поручено одному человеку, являющемуся чем-то вроде генерала, образованному, опытному, хорошему земледельцу и такому же

хорошему продавцу, ловкому в искусстве оценивать по их настоящей стоимости силу производительности земли и мускулов. Этот господин живет в удобном помещении в центре своих владений. В сараях у него стоит сто плугов, сто сеялок, сто жатвенных машин, двадцать молотилок; штук пятьдесят вагонов, прицепленных к локомотивам, беспрестанно скользят по рельсам по направлению от вокзалов, стоящих тут же на полях, к ближайшему порту. И пристани, и пароходы, стоящие в порту, также собственность владельца имения. Из его дома ко всем другим постройкам проведен телефон; голос хозяина слышен повсюду. До его слуха доносится малейший шум; он видит каждое движение. Ничто не делается без его приказания; его хозяйский глаз следит за всем.

Но во что превращается рабочий, крестьянин в этом столь прекрасно организованном мире? Машины, лошади и люди употребляются совершенно одинаково: на них смотрят как на сумму силы, которую надо употребить с большей пользой для хозяина: выжать из нее как можно больше продуктов с наименьшими затратами. Конюшни расположены таким образом, что с первого же шага по выходе из здания животные уже вскапывают борозду, которая должна тянуться через все поле, на расстоянии нескольких верст: каждый шаг их рассчитан, и каждый приносит доход хозяину. Точно так же, каждое движение рабочего, лишь только он переступает порог общей спальни, рассчитано, размерено. Здесь нет ни жен, ни детей, которые могли бы отвлекать от работы лаской или поцелуем. Рабочие распределены по небольшим отрядам, имеющим своих унтеров, капитанов и неизбежного шпиона. Каждый обязан методически исполнять данную ему работу, храня полное молчание. Сломается какая-нибудь машина, — ее бросают в лом, если нельзя ее поправить; упадет лошадь и ломает себе но-